

украинизмов;⁴ он не указал, с какого источника делалась публикация, а позже этот источник не был обнаружен. В 1926 г. новую, наиболее полную редакцию напечатал известный белорусский ученый В. Ластовский.⁵

«Ліст да Абуховіча» известен в трех списках. Впервые его исследовал и напечатал в 1910 г. В. Ластовский по копии рукописи Краковской библиотеки.⁶ В 1926 г. он напечатал произведение по рукописи, которая в то время хранилась в Вильне в музее Ивана Луцкевича.⁷ В 1927 г. Д. Давгяло напечатал так называемый одесский список.⁸

«Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» открывают качественно новую страницу в истории белорусской литературы. Именно они убедительно говорят о том, что литература в это время начинает терять свои чисто служебные функции и в большей степени приобретает функции эстетические.

Известно, что вся литература восточных славян до XVII в. в той или иной степени имела практическое применение. Либо это был поучительный рассказ из жизни христианского подвижника («житие»), либо описание «святых мест», рассчитанное не столько на любознательного, сколько на благочестивого читателя («хождение»), либо изложение истории государства, используемое для обоснования политических доктрин или прославления государственных деятелей (летопись), либо защита различных религиозных догм (полемика литература) и т. д. Соответственно и авторы указанных произведений были очень привязаны к схеме, по которой создавался соответствующий жанр, к фактическому материалу, которым они оперировали, к религиозным догмам и церковным обрядам, которые они защищали или отвергали.

Совсем в ином плане написаны «Прамова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча». Для обоих произведений в значительной степени присущи приемы художественной типизации. Оба автора стремятся подать материал обобщенно, показать то, что является характерным, проникнуть в сложные и противоречивые жизненные ситуации. Произведения, по существу, нельзя отнести ни к одному известному тогда жанру. По своему же содержанию это политическая сатира. Критика существующих порядков в произведениях ведется очень своеобразно.

«Прамову Мялешкі» долгое время считали действительным выступлением мстиславского каштеляна Ивана Мялешки на Варшавском сейме. Только в 1894 г. было доказано, что это — литературное произведение, не имеющее непосредственного отношения к реальному Ивану Мелешке и его участию в работе сейма.⁹

Главный герой произведения одновременно и рассказчик: речь ведется от имени Мелешки. Но, безусловно, автора и героя произведения нельзя отождествлять. Из «Прамовы Мялешкі» видно, что ее автор был образованным человеком, хорошо понимал то тяжелое, по существу безысходное, положение, в котором очутилось Великое княжество Литовское после Люблинской унии, понимал, что под напором польских феодалов начинают

⁴ Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. 2. СПб., 1865, № 158.

⁵ В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926, стр. 446—449.

⁶ В. Ластоўскі. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910, стр. 72—75.

⁷ В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі, стр. 446—449.

⁸ Д. І. Даўгяла. З беларускага пісьменства XVII в.—Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. У. Леніна, Мінск, 1927, № 16, стр. 169—211.

⁹ Н. Ф. Сумцов. Речь Ивана Мелешки как литературный памятник.—Киевская старина, 1894, май, стр. 195—213.